

УДК 327.8

МРНТИ 11.25.91

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2025.62.4.010>

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К АДАПТАТИВНЫМ МОДЕЛЯМ

*Ибраева А.Б.¹

*¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

Аннотация. Статья основана на анализе тенденций формирования и реализации центральноазиатского направления внешнеполитического курса США в соответствии с определенными этапами и спецификой трансформации международной системы. Цель статьи- определить эволюцию центральноазиатского направления внешней политики США от первоначального стратегического интереса к формированию адаптивных моделей взаимодействия с государствами региона выявив ключевые факторы трансформации подходов США, динамику влияния внешних и внутренних вызовов. В статье рассматривается формирование целостного представления о политике США в Центральной Азии, а также особенности взаимоотношений Соединённых Штатов со странами региона в контексте причинно-следственных связей, определивших реализацию американского внешнеполитического курса в предыдущие периоды и влияющих на его характер на современном этапе. Статья подчёркивает отсутствие устойчивой и поступательной линии в политике США в Центральной Азии. Автор выявляет, что колебания американского курса обусловлены сочетанием внешних факторов, связанных с изменениями в международной среде, и внутренних особенностей самих стран региона, что формирует фрагментарный и реактивный характер американского подхода. Отдельный акцент сделан на соперничестве США, России и Китая за военное и экономическое доминирование в Центральной Азии, а также на вызовах, связанных с демократизацией, которые ограничивают возможности США укреплять своё влияние в регионе. Оживление контактов между США и странами Центральной Азии в период президентства Д. Трампа рассматривается в контексте потенциального сотрудничества в энергетическом секторе, что представляет взаимный интерес сторон. Эта перспектива актуализируется на фоне глобализационных тенденций и вызовов регионального уровня.

Ключевые слова: политика США, страны Центральной Азии, С5+1, Китай, Россия, безопасность, энергетические интересы, geopolitika

Введение

Распад Советского Союза и появление новых независимых государств, ориентированных на масштабные политические и экономические преобразования, привели к формированию устойчивого интереса США к региону Центральной Азии. В начале 1990-х годов американская внешняя политика исходила из целей поддержки демократических реформ, укрепления рыночной экономики и формирования благоприятной международной среды, а также из стремления реализовать стратегические и энергетические интересы в Евразии. Однако за прошедшие три десятилетия эти приоритеты так и не были воплощены последовательно: политика США в отношении Центральной Азии развивалась неравномерно, отражая реактивный характер американских подходов и зависимость от внешних кризисов и изменений в международной системе.

Особенно показательными в этом отношении стали отношения США со странами Центральной Азии. Несмотря на стратегическую заинтересованность Вашингтона, взаимодействие нередко носило фрагментарный характер и ограничивалось краткосрочными политическими циклами. Центральная Азия, обладая выгодным геостратегическим положением и значительным энергетическим потенциалом, рассматривалась США как ключевой регион для партнёрства в области безопасности, логистики и энергетики. Поэтому анализ эволюции американской политики в регионе позволяет выявить её структурные особенности, колебания и факторы, определявшие характер взаимодействия на каждом этапе.

Ситуация в регионе в последние годы претерпела существенные изменения под воздействием трансформации международной системы и роста конкуренции крупных держав. На фоне обострения глобального соперничества усилилось влияние России и Китая, чьи интересы в регионе пересекаются как в сфере безопасности, так и в экономике. При этом позиции России оказались менее устойчивыми в условиях санкционного давления и последствий войны в Украине, что привело к переоценке роли Москвы странами Центральной Азии и стимулировало поиск новых форматов внешнеполитического балансирования.

В то же время растущее соперничество США и Китая за контроль над критически важными ресурсами и логистическими коридорами усилило стратегическое значение Центральной Азии. Регион оказался вовлечён в широкую сеть дипломатических и интеграционных форматов: от объединений под эгидой России и Китая (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС) до платформ взаимодействия с США и другими внешними акторами, включая формат «C5+1» и региональные механизмы диалога, такие как СВМДА. Это создаёт сложную среду внешнеполитического маневрирования, в которой странам Центральной Азии необходимо сочетать стратегическую автономию, экономическую выгоду и обеспечение собственной безопасности.

В этих условиях возрастает необходимость комплексного анализа

политики США в Центральной Азии, её целей, инструментов, динамики и результатов. Понимание американской стратегии позволяет более точно оценить текущую конфигурацию сил в Евразии, а также определить перспективы устойчивого развития государств региона на фоне усиливающегося геополитического давления и конкуренции мировых держав.

В рамках данного исследования под «адаптивными моделями» внешней политики США в Центральной Азии понимаются гибкие, ситуативно изменяющиеся форматы взаимодействия, которые формируются в ответ на трансформацию международной среды, усиление конкуренции великих держав и внутренние ограничения государств региона. В отличие от линейных стратегий, адаптивные модели характеризуются отсутствием долгосрочной институциональной фиксации, избирательным применением инструментов (дипломатических, экономических, военных) и высокой зависимостью от внешних кризисов и контекстуальных факторов.

Описание материалов и методов

В исследовании применяется ивент-анализ, позволяющий реконструировать эволюцию политики США в Центральной Азии через последовательность ключевых внешнеполитических событий. Данный подход делает возможным выделение критических точек, фаз активности, периодов усиления и снижения американского влияния, а также причинно-следственные связи между действиями США и реакцией государств региона.

Ивент-анализ включает следующие этапы:

1) Идентификация ключевых событий внешней политики США, связанных с Центральной Азией, визиты высокопоставленных лиц, запуск форматов сотрудничества (С5+1), заключение соглашений, открытие/закрытие военных баз, изменения стратегий США, кризисные события (Андижан 2005, вывод войск из Афганистана, 2021).

2) Отбор событий для ивент-анализа основывался на их внешнеполитической значимости, институциональном характере, реакции государств Центральной Азии и включённости в более широкий международный контекст, связанный с антитеррористической кампанией, выводом войск из Афганистана и усилением конкуренции великих держав.

3) Выбранные события рассматриваются как точки динамики американской стратегии в Центральной Азии, поскольку они сопровождались изменением инструментов внешнеполитического воздействия США, корректировкой приоритетов и трансформацией форм взаимодействия с государствами региона. Именно в периоды, связанные с данными событиями, наблюдаются переходы от стратегического интереса к более гибким и реактивным формам политики, что позволяет проследить эволюцию американского подхода на практическом уровне.

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

4) Хронологическая классификация событий по периодам:

- 1991-2001: начальный этап вовлечения;
- 2001-2014: пик активности, антитеррористическая кампания;
- 2014-2021: фрагментарность и снижение интереса;
- 2021 по настоящее время: переориентация после вывода войск из Афганистана.

5) Оценка влияния каждого события на американскую стратегию, а также на позицию стран Центральной Азии.

6) Разделение событий на категории:

- возможности (С5+1, энергетические проекты, визит Блинкена 2023);
- ограничения (закрытие баз, события Андиджана, рост влияния Китая и России).

Источниковую базу исследования составили официальные документы США, аналитические отчёты, материалы международных организаций, а также научные публикации, отражающие как американские подходы, так и региональные оценки. Отбор источников осуществлялся с учётом их релевантности для анализа конкретных этапов и событий.

Дополнительно используются элементы сравнительного анализа и историко-политической ретроспектиды для сопоставления подходов США, России и Китая в регионе и анализа внутреннего контекста ЦА.

Результаты

Раннее вовлечение США (1991-2001)

Присутствие США в Центральной Азии нередко представляется как некое внезапное нововведение будто Вашингтон «открыл» для себя Евразийский регион только на следующий день после сентябрьских событий. Однако на деле правительство Соединённых Штатов и американские деловые круги установили тесные связи с государствами Центральной Азии задолго до этих событий. Это проявлялось не только в дипломатических отношениях, установленных с 1992 года, но и в нарастающем военном сотрудничестве США со странами региона, начавшемся уже в середине 1990-х годов.

Это открывало возможности для продуктивного сотрудничества США с государствами евразийского пространства по многим направлениям, которые представляли взаимный интерес. Однако на практике, в течение 1990-х годов, при демократической администрации Б. Клинтона, это сотрудничество приобрело проблемный характер. Таким образом, хотя потенциальное сотрудничество между США и странами Евразии было весьма многообещающим, его реализация оказалась осложнена множеством факторов, включая внутренние политические и экономические проблемы стран региона, которые не всегда совпадали с интересами и ожиданиями США.

Военное сотрудничество между США и странами Центральной Азии

Азии в 1990-х, начале 2000-х годов представляло собой лишь один из аспектов интереса Соединённых Штатов к региону. Наибольшее внимание американская администрация уделяла Казахстану, который стал одним из крупнейших получателей американских инвестиций среди стран Центральной Азии. В то же время и другие государства региона, такие как Узбекистан, проявляли интерес к развитию сотрудничества с США, рассматривая это как «оптимальный путь к укреплению суверенитета и независимости, а также к содействию экономическому развитию». Особенno показателен в этом контексте пример Узбекистана, который с середины 1990-х годов стремился выстроить свою внешнюю и оборонную политику преимущественно во взаимодействии с США.

Как отмечает С. Корнелл, Узбекистан в 1990-е годы демонстрировал наибольшую степень внешнеполитической лояльности по отношению к США, стремясь позиционировать себя в качестве регионального стратегического партнёра. Однако отсутствие со стороны Вашингтона готовности к долгосрочным обязательствам в сфере безопасности привело к росту уязвимости Ташкента на фоне обострения региональных угроз в конце 1990-х годов, включая деятельность радикальных группировок. В результате Узбекистан был вынужден переориентироваться на сотрудничество с Россией и Китаем, что наглядно демонстрирует ограниченность американской стратегии раннего вовлечения и её неспособность обеспечить устойчивое партнёрство в Центральной Азии [1, с.330].

Речь идёт о «шанхайской пятёрке», неформальном объединении, в которое, помимо России и Китая, вошли Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Первоначально целью группы было урегулирование пограничных споров вдоль бывшей советско-китайской границы. Однако впоследствии она была трансформирована в механизм обеспечения безопасности стран региона. Важно отметить, что в противовес Соединённым Штатам в регионе действовала и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай, а также ряд центральноазиатских республик. Одной из главных целей, заявленных ШОС, также была борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Тем не менее, несмотря на официальные заявления, реальная эффективность действий организации в этих направлениях оказалась ограниченной. ШОС, как инструмент региональной безопасности, в основном служила интересам своих крупнейших участников, Москвы и Пекина, и не смогла создать действенные механизмы по предотвращению радикальных угроз на местах.

Руководство Узбекистана, оказавшись с начала 2000-х годов перед угрозой повторного вторжения исламистских радикальных формирований по проблематичности в то время перспектив углубления сотрудничества с США в сфере безопасности, присоединилось летом 2001 г. в Шанхайскую группу, когда последняя формально зарегистрировала себя как Шанхайскую организацию сотрудничества.

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

Пик активности США в регионе (2001-2014)

Развитие событий, приобрело кардинальные изменения после трагических событий 11 сентября 2001 г., при президенте Дж. Буша-младшего, когда приоритетом в формировании внешнеполитического курса Соединенных Штатов в Центральноазиатские страны стала перспектива использования их территориального и воздушного потенциала для организации и проведения антитеррористических кампаний США на Ближнем Востоке и создания соответствующей экономической и материальной инфраструктуры [2, с.930].

Данная тенденция нашла поддержку в трех наиболее уязвимых по отношению к терроризму странах Центральной Азии: Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане.

Таджикистан, например, впервые за десятилетие после распада СССР пошел вопреки позиции Москвы и выразил приветствие американским войскам, тогда как Кыргызстан стал местом размещения обширной американской военной базы. Узбекистан сразу же воспользовался ситуацией для установления стратегического партнерства с Америкой, которого он искал в середине 1990-х годов, и обеспечил существенные гарантии безопасности от Вашингтона.

Дополнительно к этому, США демонстративно выразили свою внешнеполитическую заинтересованность в регионе через назначение туда высокопоставленных дипломатов, а также проведение визитов на правительственном уровне. Эти шаги были направлены на укрепление доверия и побуждение руководства республик к проведению реформ.

Несмотря на декларируемую заинтересованность США в продвижении демократических преобразований и укреплении сотрудничества с государствами Центральной Азии, на практике реализация этих намерений оказалась затруднена. Одной из ключевых причин этого стала низкая эффективность американских стратегий и программ, направленных на демократизацию и модернизацию региона. В условиях, когда авторитарные режимы в странах Центральной Азии, таких как Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан, укреплялись и консолидировали свою власть, инициативы США нередко теряли свою актуальность или встречали сопротивление со стороны местных элит. Власти этих стран, опасаясь потери контроля или вмешательства во внутренние дела, часто воспринимали американские призывы к реформам с подозрением и осторожностью. Однако, несмотря на эти сложности, участие США в региональных процессах не было полностью бесполезным или неэффективным. Одним из значительных достижений американской внешней политики в Центральной Азии стало сдерживание угрозы терроризма, особенно в таких уязвимых странах, как Узбекистан и Киргизстан.

Важно, что политика финансовой поддержки стран Центральной Азии с целью углубления сотрудничества в области безопасности получила

поддержку и от следующих американских администраций от Б. Обамы до Д. Трампа. Однако тенденция отношений по линии США постсоветская Центральная Азия с начала антитеррористической операции США на Ближнем Востоке при Дж. Буше-младшем и до попыток её завершения при Д. Трампе приобрела зигзагообразный характер, с вариативностью в определении роли Соединённых Штатов в системе взаимовлияний в регионе [3, с.50].

Спад влияния и многовекторность ЦА (2014–2021)

В экспертной оценке А. Кули подчёркивается устойчивость политики многовекторности государств Центральной Азии, ориентированной на диверсификацию внешних связей и балансирование между ключевыми внешними акторами. При этом предостережение исследователя о рисках чрезмерного вовлечения США в региональную геополитическую конкуренцию указывает на сохраняющуюся чувствительность региона к логике «блокового противостояния». Вместе с тем данный подход в меньшей степени учитывает институциональные и экономические ограничения многовекторности, обусловленные асимметрией ресурсов и зависимости стран региона от России и Китая, что объективно сужает пространство внешнеполитического манёвра и снижает возможности США для проведения активной стратегии [4].

Таблица 1 наглядно показывает, что финансовая помощь США странам Центральной Азии достигла пика в 2008–2012 годах и постепенно сокращалась в последующие годы. Снижение объёмов поддержки связано с завершением активной фазы операций в Афганистане и стратегическим сдвигом внешней политики США на сокращение зарубежного присутствия. На современном этапе помощь остаётся ограниченной и избирательной, отражая осторожный подход американской администрации к региону.

Таблица-1. Динамика помощи США в Центральной Азии (по годам, млрд.долл.)

Год	Военная помощь	Экономическая и гуманитарная помощь	Общая сумма
2000–2007	1,2 млрд	1,5 млрд	2,7 млрд
2008–2012	0,5 млрд	0,7 млрд	1,2 млрд
2013–2017	0,22 млрд	0,5 млрд	0,72 млрд
2018	0,0091 млрд	-	0,0091 млрд
2019–2021	-	-	-

Пик поддержки пришёлся на годы президентства Барака Обамы (2008–2012). После этого наблюдается резкое сокращение объёмов помощи, особенно военной, что связано с завершением активной фазы военных операций в Афганистане и стратегическим перераспределением приоритетов США. Снижение связано с завершением активной фазы военной операции в Афганистане и стратегическим сдвигом внешней политики США; осторожный подход администрации Байдена.

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

Анализируя тенденции снижения финансовой поддержки странам Центральной Азии со стороны США, эксперты связывают это, с одной стороны, с завершением активной фазы военной операции в Афганистане, что ранее требовало налаживания транспортной и логистической поддержки через Центральную Азию. С другой стороны, это отражает общий стратегический сдвиг американской внешней политики, начавшийся ещё при Обаме и продолжившийся при Трампе, курс на сокращение американского присутствия за рубежом и сосредоточение на внутренних интересах безопасности. В период президентства Джо Байдена сохраняется осторожный и избирательный подход: при декларируемой приверженности демократическим ценностям США продолжают ограничивать объёмы финансовой поддержки для государств региона [3].

Дополнительные трудности для американской политики в регионе были связаны с реализацией инициативы «Большая Центральная Азия», продвигаемой США в середине 2000-х годов как попытка сформировать общее политico-экономическое и военно-стратегическое пространство между странами Центральной Азии и Афганистаном. Концепция предполагала интеграцию Афганистана в регион, развитие транспортно-энергетических связей и расширение регионального сотрудничества в сфере безопасности. Однако данная инициатива изначально опиралась на упрощённое представление о регионе как однородном геополитическом пространстве. Существенные различия в национальных интересах, характере политических режимов и уровне институционального развития стран Центральной Азии и Афганистана, а также конкуренция со стороны России и Китая, существенно ограничили практическую реализуемость проекта. В результате «Большая Центральная Азия» осталась преимущественно концептуальной конструкцией, отражающей стремление США расширить своё влияние в регионе, но не трансформировавшейся в устойчивую модель регионального взаимодействия.

Показательным примером изменений в военном сотрудничестве между США и странами Центральной Азии стало закрытие двух американских авиабаз в Карши-Ханабаде (Узбекистан) и Манасе (Киргизстан). Закрытие базы в Ханабаде в 2005 году стало реакцией узбекского правительства на давление со стороны США, требовавших расследовать события в Андижане и случаи нарушения прав человека. Что касается базы в Манасе, её статус неоднократно пересматривался после снижения активности США в Афганистане. В 2014 году она была окончательно закрыта после денонсации соглашения о Центре транзитных перевозок и прекращения действия договора о сотрудничестве с США. Это совпало с решением Кыргызстана присоединиться к Евразийскому экономическому союзу [5].

Даже несмотря на сохранение определённого уровня военного сотрудничества между странами Центральной Азии и США, включая выделение 50 млн. Долл. на антитеррористическое партнёрство в 2016-2017

годах, в экспертных кругах это стало рассматриваться как ослабление влияния США (и шире Запада) в регионе. Аналитики отмечают усиление позиций России, включая участие стран региона в Евразийском экономическом союзе и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Примерами стали военная и финансовая поддержка Узбекистана после закрытия базы в Ханабаде, создание Объединённой российской военной базы в Кыргызстане и продление срока пребывания военной базы РФ в Таджикистане до 2042 года, а также активное сотрудничество России с Казахстаном в рамках ОДКБ и ШОС [6, 28 с.].

Несмотря на сокращение влияния США, говорить о полной утрате Вашингтоном рычагов воздействия на страны Центральной Азии преждевременно. Важную роль стал играть формат «С5+1», запущенный в 2015 году во время визита госсекретаря Джона Керри. Уже первая встреча в Самарканде показала интерес сторон к экономическому сотрудничеству - в частности, к передаче технологий, модернизации экономик и реформированию корпоративного управления, несмотря на остающиеся политические разногласия.

При администрации Трампа формат С5+1 получил новое развитие, отражающее индивидуальный подход США к странам Центральной Азии. Так, на встрече в августе 2019 года заместитель госсекретаря Дэвид Хейл обсудил с представителями Казахстана поддержку восстановления Афганистана и транспортные проекты, а с Узбекистаном инвестиционное сотрудничество и привлечение американских технологий для модернизации экономики [7].

Сосредоточение внимания США на Казахстане и Узбекистане в рамках сотрудничества с Центральной Азией объясняется их стратегической значимостью. Казахстан, как наиболее развитая страна региона, остаётся важным энергетическим партнёром США и демонстрирует модернизационные устремления, ориентированные на запад. Узбекистан, в свою очередь, интересен с точки зрения военного сотрудничества и участия в афганском мирном процессе. В подтверждение, прошедшая в Ташкенте в феврале 2019 года конференция с участием командующих Центрального и Южного командований США, посвящённая вопросам безопасности и Афганистана.

Среди стран Центральной Азии особый интерес для администрации Трампа представлял Туркменистан, благодаря крупным запасам газа и нефти, а также нейтральному статусу, не ограничивающему его в экономическом и военно-политическом плане. Основной проблемой для страны оставалась зависимость от российских маршрутов транспортировки энергоресурсов. Однако участие Туркменистана в проекте Транскаспийского газопровода, обсуждавшемся на совещании с ЕС и Азербайджаном в 2019 году, открыло перспективы выхода на европейский рынок и привлечения инвестиций, включая американские.

Перспективы углубления сотрудничества в линии США-Туркменистан

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

связаны как с новыми возможностями, так и с вызовами для американской стороны. Кроме авторитарной системы правления (как препятствия реализации бизнес-интересов), речь идет и о тенденции исламизации туркменского общества (по крайней мере, его приграничных территорий) из-за распространения из Афганистана идейных и организационных влияний движения Талибан. Такая же опасность возникла с весны 2019 г. и перед другими странами Центральной Азии – Таджикистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном. Причем Таджикистан рассматривается аналитиками в этом отношении как наиболее слабое звено Центральной Азии, учитывая, что талибы (представленные преимущественно боевиками из состава т.н. «Исламского государства») получили фактически «коридор» выхода на таджикскую территорию [8, с. 65].

Туркменистан занимает в этом вопросе крайне противоречивую позицию. В последние годы он официально взаимодействует с талибами на афганской границе, стремясь сдержать их продвижение в сторону туркменской территории. Одной из ключевых причин такого сотрудничества является стремление обеспечить реализацию проекта газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), поскольку часть маршрута проходит через афганскую провинцию Бадгис, находящуюся под полным контролем Талибана. Если предположить усиление стратегического влияния США в энергетическом секторе Туркменистана, то конфронтация с Талибаном, в которую уже вовлечены Соединённые Штаты в Ираке, Афганистане и Сирии, может перекинуться и на Центральную Азию. Тем не менее, очевидно, что США сами предпринимают попытки достичь компромисса с Талибаном с целью стабилизации ситуации в Афганистане и вывода своих войск. При этом умеренные представители движения, ориентированные на политическое урегулирование конфликта, участвуют в переговорах с США и ищут пути к примирению. В то же время радикальные группировки, близкие по идеологии к «Исламскому государству», совершают террористические атаки, пытаясь сорвать переговорный процесс [9, с. 60].

Перспективы экономического и даже в определённой степени военно-политического сотрудничества США с постсоветскими странами Центральной Азии остаются неопределёнными.

Несмотря на заинтересованность Вашингтона в укреплении своего влияния в этом стратегически важном регионе, развитие устойчивых партнёрских отношений сталкивается с рядом серьёзных препятствий.

Среди ключевых проблем, сдерживающих сотрудничество:

- авторитарный характер политических режимов в странах Центральной Азии. США традиционно акцентируют внимание на вопросах демократии, прав человека и политических свобод, что делает диалог с авторитарными режимами региона сложным и противоречивым;

- угроза исламизации, поступающая из нестабильных приграничных территорий Ближнего Востока. Экстремистские идеи и вооружённые

радикальные группы могут проникать в регион, усиливая внутренние риски и вызывая обеспокоенность как у местных властей, так и у внешних партнёров, включая США.

Таким образом, Вашингтон вынужден балансировать между стратегическим интересом к региону (в том числе энергетическим, военным и геополитическим) и необходимостью учитывать сложный политico-культурный контекст, в котором находятся государства Центральной Азии.

Кроме того, речь идёт о жёсткой конкуренции за влияние в регионе со стороны ведущих мировых держав. Помимо США, на ведущие позиции в Центральной Азии активно претендуют Россия и Китай.

Российская Федерация остаётся одним из так называемых «традиционных» акторов в Центральной Азии. С момента распада Советского Союза страны региона продолжали оставаться в сфере влияния Москвы, чему способствовали различные механизмы сохранения межгосударственных связей. На протяжении всего постсоветского периода Россия последовательно работала над укреплением своего влияния на региональные элиты, что вылилось в формирование прочных личных контактов с лидерами этих государств. Эти связи, в свою очередь, способствовали поддержке российских инициатив на международной арене [10, с.49].

Для упрочения своего присутствия Россия активно использовала интеграционные структуры - такие как СНГ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), обеспечивая долгосрочное сотрудничество в политической, экономической и военной сферах. Подтверждением служит тот факт, что Россия по-прежнему сохраняет военное присутствие в трёх из пяти стран Центральной Азии [11, с.18].

Однако после начала полномасштабной войны в Украине и сосредоточения усилий России на украинском фронте её позиции в Центральной Азии временно ослабли. На фоне давления со стороны российской дипломатии, направленного на получение политической и военной поддержки вторжения в Украину, правительства стран региона заняли выжидательную и осторожную позицию.

Во время голосования в ООН по резолюциям, осуждающим российскую агрессию и затрагивающим вопросы прав человека на оккупированных территориях, большинство стран Центральной Азии воздержались. В то же время некоторые из них чётко заявили о своей поддержке суверенитета, независимости и территориальной целостности Украины, предупредили о недопустимости участия своих граждан в боевых действиях на любой стороне конфликта и начали уголовное преследование в случаях выявления таких фактов. Тем не менее, объёмы торговли между Россией и странами Центральной Азии во время войны заметно увеличились. Это указывает на косвенную поддержку устойчивости российской экономики в условиях международных санкций за счёт экономических связей внутри ЕАЭС [12, с. 6].

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

Большое количество исследований, посвящённых значению Центральной Азии для внешней политики Китая, подчеркивает, что этот регион представляет для Пекина стратегический интерес как источник природных ресурсов и как территория с высоким потенциалом для развития внутренней инфраструктурной связности. Китайская инициатива «Один пояс, один путь», также известная как Новый Шёлковый путь, стала поворотным моментом в политике КНР по отношению к Центральной Азии. Если раньше Пекин рассматривал страны региона как отдельные направления сотрудничества, то теперь регион стал восприниматься как единое геополитическое и логистическое пространство. Это пространство, за которое Китаю приходится конкурировать с другими влиятельными державами, прежде всего – Россией и США [13, с. 290].

После вывода американских войск из Афганистана и смещения внимания США в сторону Индо-Тихоокеанского региона, Китай получил широкое поле для дипломатического и стратегического манёвра. На фоне падения доверия к США как к надёжному партнёру, КНР воспользовалась возможностью и усилила своё присутствие в регионе. Это происходило не только в экономической сфере, но и в военной:

- через развитие политических контактов с правящими элитами;
- проведение совместных военных учений с армиями стран Центральной Азии;
- обучение военных специалистов и офицеров в китайских военных учебных заведениях;
- предоставление финансовой помощи и продажа оружия;
- строительство элементов военной инфраструктуры.

Эта активная стратегия КНР в регионе не осталась незамеченной. Более того, на фоне конкуренции между внешними игроками Китай стал восприниматься как реальная альтернатива, в том числе благодаря мягкой риторике и pragmatичному подходу, который не требует от стран региона политических уступок или реформ.

В мае 2023 года на первом саммите «Китай-Центральная Азия» председатель КНР Си Цзиньпин официально озвучил китайское видение будущего сотрудничества. Он выделил четыре принципа, на которых должны строиться отношения Китая с Центральной Азией:

Взаимопомощь, поддержка друг друга в политике, экономике и безопасности.

Совместное развитие, координация усилий в рамках экономических и инфраструктурных проектов.

Всеобщая безопасность, борьба с угрозами, такими как терроризм, экстремизм и сепаратизм.

«Вечная дружба», акцент на долгосрочном стратегическом партнёрстве и доверии.

Таким образом, Пекин сделал странам Центральной Азии выгодное

дипломатическое предложение, в рамках которого они могут укреплять сотрудничество с КНР, не отказываясь от суверенитета и не вступая в жёсткие альянсы. Однако долгосрочные последствия этого сближения с Китаем пока остаются неясными и требуют пристального наблюдения, поскольку они могут значительно изменить баланс сил в регионе [14].

Обсуждение

После вывода американских войск из Афганистана в 2021 году и начала российско-украинской войны политика США в Центральной Азии начала трансформироваться в условиях новых вызовов. Согласно стратегии США на 2019-2025 годы, утверждённой ещё при администрации Дональда Трампа, регион признан важным с точки зрения национальной безопасности. США намерены укреплять независимость государств Центральной Азии, содействовать их устойчивости к угрозам, а также развивать политическое, экономическое и оборонное партнёрство.

В 2022-2023 годах стратегия была обновлена для большинства стран региона, включая Кыргызстан. Документы подчеркивают поддержку демократических реформ, верховенства права и создания инклюзивной экономики. Среди приоритетных партнёров США – Казахстан и Узбекистан.

Для выстраивания устойчивого диалога продолжает активно использоваться платформа C5+1. В 2023 году госсекретарь Энтони Блинкен посетил регион, а в сентябре того же года прошёл первый саммит лидеров стран Центральной Азии и США в формате C5+1, по итогам которого было заявлено о «новой атмосфере партнёрства». Также был инициирован формат B5+1 для развития экономического взаимодействия. Всё это свидетельствует о начале нового этапа в отношениях США с Центральной Азией [15].

На основе представленного материала можно провести сравнительный анализ подходов России, США и Китая в Центральной Азии, который отражён в таблице 2.

Таблица-2. Сравнение подходов США, России и Китая в Центральной Азии

Страна	Основной подход	Основные инструменты	Цели
США	Избирательный, демократический	Финансовая помощь, военные программы, гуманитарные инициативы	Стабильность региона, демократизация, обеспечение логистики для операций (например, в Афганистане)
Россия	Многосторонний и односторонний	Военное сотрудничество (СНГ, ОДКБ), энергетика, политическая поддержка	Сохранение влияния, укрепление военной безопасности, контроль над региональной интеграцией
Китай	Экономико-геополитический	Инвестиции, инфраструктурные проекты (BRI), кредиты, торговля	Экономическое влияние, доступ к ресурсам, развитие инфраструктуры, поддержка стабильности для торговых маршрутов

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

Сравнительный анализ подходов США, России и Китая в Центральной Азии показывает, что каждая держава действует в соответствии со своими стратегическими приоритетами и инструментами влияния. США делают упор на избирательную финансовую, военную и гуманитарную поддержку с целью укрепления демократических ценностей и региональной стабильности. Россия сохраняет традиционное влияние через военно-политическое сотрудничество и контроль над интеграционными процессами. Китай ориентирован на экономико-геополитическое воздействие, развивая инфраструктуру и торговые связи в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Таким образом, Центральная Азия выступает зоной пересечения различных моделей внешней политики, где успех влияния определяется сочетанием экономических, политических и военных инструментов.

Дополнительную значимость приобретают и процессы внутренней консолидации в самом регионе. Как подчеркнул президент Кыргызстана Садыр Жапаров, странам Центральной Азии необходимо усиливать координацию позиций и развивать сотрудничество в ключевых направлениях прежде всего в логистике, совместных производственных цепочках, культурном взаимодействии и цифровой интеграции. Эти акценты отражают стремление государств региона укреплять собственную автономию и формировать более согласованную региональную политику на фоне внешнего давления [16].

Эти направления демонстрируют стремление государств Центральной Азии не только к укреплению внутритерриториальной интеграции, но и к снижению зависимости от внешних акторов, что напрямую влияет на пространство возможностей для США, России и Китая. Усиление внутриполитической и культурной консолидации региона означает, что внешние державы уже не могут работать лишь на двустороннем уровне - им необходимо учитывать растущий потенциал Центральной Азии как самостоятельного, коллективно действующего субъекта.

Заключение

Укрепление позиций России и Китая в постсоветской Центральной Азии представляет собой серьёзную угрозу для интересов США в данном регионе. На протяжении последних десятилетий обе эти державы активно развиваются свою влияние, как с экономической, так и с политической точки зрения. Россия, традиционно выступающая в роли защитника постсоветского пространства, и Китай, стремящийся расширить своё влияние в рамках инициативы «Один пояс, один путь», становятся важными игроками для Центральной Азии. Эти процессы оказывают значительное воздействие на стратегическое положение США, чьи интересы в регионе могут быть под угрозой, если Россия и Китай смогут эффективно утвердить своё доминирование.

На основе проведённого ивент-анализа внешнеполитических действий

США в Центральной Азии установлено, что американская стратегия носила фрагментарный и реактивный характер, усиливаясь в периоды внешних кризисов и ослабевая после их завершения. Анализ ключевых событий 2001–2014 гг. и 2021–2023 гг. показывает, что наибольшую устойчивость демонстрировали форматы взаимодействия, основанные на сочетании дипломатических, экономических и энергетических инструментов, в то время как опора преимущественно на военное присутствие приводила к сокращению влияния США в регионе. В этой связи выявленные эмпирические результаты позволяют сделать вывод о целесообразности ориентации США на многосекторные модели партнёрства, учитывающие как внешнеполитические ограничения, так и внутренние особенности государств Центральной Азии.

Для США эта ситуация требует внимательного и своевременного реагирования, что может привести к активизации их внешней политики в Центральной Азии. Однако исторический опыт показывает, что успешная политика США в этом регионе требует прагматичного подхода, ориентированного на установление четких и устойчивых отношений с центральноазиатскими государствами. Центральная Азия, будучи важным связующим звеном между Европой и Азией, обладает значительным стратегическим значением для США, в том числе в контексте обеспечения энергетической безопасности, борьбы с терроризмом и укрепления экономических связей.

Чтобы успешно противостоять растущему влиянию России и Китая, США должны сформировать ясные и реалистичные цели и задачи, выстраивая свою политику с учетом интересов каждого из центральноазиатских государств. Важно понимать, что регионы, такие как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан, имеют свои уникальные потребности и вызовы, которые требуют индивидуального подхода. Однако также необходимо учитывать и общие интересы, такие как стабильность, развитие инфраструктуры, улучшение образования и поддержание независимости в международной политике.

Одним из ключевых факторов, который может способствовать укреплению позиций США в Центральной Азии, является построение многосекторных отношений. Это не ограничивается только экономическим сотрудничеством, но также охватывает области безопасности, торговли, культурного обмена и образования. Например, расширение сотрудничества в сфере энергетики и улучшение инфраструктурных проектов, таких как транспортные и логистические коридоры, может стать основой для более тесного взаимодействия с Центральной Азией, что одновременно будет способствовать ослаблению влияния России и Китая.

Кроме того, США должны уделять особое внимание дипломатической составляющей своей политики в Центральной Азии. Выстраивание доверительных отношений с правительствами региона и поиск

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

компромиссных решений в сложных вопросах, таких как безопасность, борьба с экстремизмом и устойчивое развитие, позволит укрепить влияние США без необходимости прибегать к прямому вмешательству. Это также включает активное использование международных организаций, таких как ООН или Шанхайская организация сотрудничества, для создания более широкой сети сотрудничества с Центральной Азией.

Таким образом, для эффективной конкуренции с Россией и Китаем в Центральной Азии США должны сформировать комплексную стратегию, основанную на прагматичных интересах. Четко определяя приоритеты, которые соответствуют как интересам каждой отдельной страны, так и региона в целом, США могут способствовать поддержанию стабильности и безопасности, обеспечивая долгосрочное сотрудничество на региональном и глобальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Cornell S. F. America in Eurasia: One Year After // Current History. A Journal of Contemporary World Affairs. – 2002. – Vol. 101, № 657. – P. 330–336.

[2] Комлякова Ю. Ю. Центральноазиатская стратегия внешней политики первой администрации Дж. Буша-младшего // Via in tempore. История. Политология. – 2023. – Т. 50, № 4. – С. 928–935.

[3] Лаумулин М. Обзор литературы по Центральной Азии на 2023 г.: часть I // Казахстан-Спектр. – 2023. – Т. 105, № 1.

[4] Что ждет страны Центральной Азии в ближайшие десятилетия? Интервью с Александром Кули. – <https://cabar.asia/ru/chto-zhdet-strany-tsentrальноj-azii-v-blizhajshie-desyatiletija-intervyu-s-aleksandrom-kuli>

[5] Киргизия денонсирует договор с США по бывшей авиабазе «Манас» https://www.inform.kz/ru/kyrgyzstan-razryvaet-dogovor-s-ssha-po-baze-manas_a2559652

[6] Гарбузарова Е. Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 26–36.

[7] Совместное сообщение Европейскому парламенту и Совету «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более прочного партнерства» – Брюссель, 15.05.2019. –https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

[8] Расул Г., Мухтарова К. С., Жан Б. Н. Роль Афганистана в Центральной Азии: риски и перспективы развития // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2024. – Т. 106, № 2. – С. 62–69.

[9] Atif A. W. The Geopolitical Location of Afghanistan: Opportunities and Challenges in Relations with South and Central Asian Countries // ATJSS. – 2024. – Т. 1, № 1. – Р. 58–66.

[10] Бутакова М. М., Соколова О. Н. Экспортные позиции России в Центральной Азии: реалии и проблемы // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2021. – № 3. – С. 48–52.

[11] Бабаев К. В. Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы // Евразийские исследования. – 2024. – № 1. – С. 17–23.

[12] Аржаев Ф. И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 5–15.

[13] Абубакирова Д. Б. Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 285–295.

[14] Zhao L., Li D., Guo X., Feng Xue J., Wang C., Sun W. Cooperation risk of oil and gas resources between China and the countries along the Belt and Road // Energy. – 2021. – Vol. 227. – P. 120445.

[15] Заявление для прессы: визит госсекретаря Э. Блинкена в Казахстан, Узбекистан и Индию 23.02.2023. – <https://in.usembassy.gov/secretary-blinkens-travel-to-kazakhstan-uzbekistan-and-india/>

[16] Жапаров призвал страны Центральной Азии к единству – 16.11.2025. –<https://ria.ru/20251116/prezident-2055271703.html>

REFERENCES

[1] Cornell S.F. America in Eurasia: One Year After // Current History. A Journal of Contemporary World Affairs. 2002. Vol. 101, No. 657. P. 330–336.

[2] Komlyakova Yu.Yu. Tsentral'noaziatskaya strategiya vnesheini politiki pervoi administratsii Dzh. Busha-mladshego [Central Asian Strategy of the Foreign Policy of the First Administration of George W. Bush] // Via in tempore. Istorya. Politologiya. 2023. Vol. 50, No. 4. P. 928–930 [in Russ.].

[3] Laumulin M. Obzor literatury po Tsentral'noi Azii na 2023 g.: chast' I [Review of Literature on Central Asia for 2023: Part I] // Kazakhstan-Spektr. 2023. Vol. 105, No. 1 [in Russ.].

[4] Chto zhdet strany Tsentral'noi Azii v blizhaishie desyatiletii? Interv'yu s Aleksandrom Kuli [What Awaits Central Asian Countries in the Coming Decades? Interview with Alexander Cooley]. 2024. <https://cabar.asia/ru/chto-zhdet-strany-tsentralnoj-azii-v-blizhajshie-desyatiletija-intervyu-s-aleksandrom-kuli> [in Russ.].

[5] Kirgiziya denonsiruet dogovor s SShA po byvshei aviabaze Manas [Kyrgyzstan Terminates Agreement with the USA on the Former Manas Air Base]. 2013. https://www.inform.kz/ru/kyrgyzstan-razryvaet-dogovor-s-ssha-po-baze-manas_a2559652 [in Russ.].

[6] Garbuzarova E.G. Politika SShA v Tsentral'noi Azii: fazy aktivnosti [US Policy in Central Asia: Phases of Activity] // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2023. Vol. 10, No. 1. P. 26–36 [in Russ.].

[7] Joint Communication to the European Parliament and the Council “The

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership". Brussels, 2019. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

[8] Rasul G., Mukhtarova K.S., Zhan B.N. The Role of Afghanistan in Central Asia: Risks and Future Prospects Overview // Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo. 2024. Vol. 106, No. 2. P. 62–69.

[9] Atif A.W. The Geopolitical Location of Afghanistan: Opportunities and Challenges in Relations with South and Central Asian Countries // ATJSS. 2024. Vol. 1, No. 1. P. 58–66.

[10] Butakova M.M., Sokolova O.N. Eksportnye pozitsii Rossii v Tsentral'noi Azii: realii i problemy [Russia's Export Positions in Central Asia: Realities and Problems] // Ekonomika. Professiya. Biznes. 2021. No. 3. P. 48–52 [in Russ.].

[11] Babaev K.V. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: trendy i perspektivy [Russia and Central Asia: Trends and Prospects] // Evraziiskie issledovaniya. 2024. No. 1. P. 17–23 [in Russ.].

[12] Arzhaev F.I. Geoekonomiceskaya strategiya Rossii v Tsentral'noi Azii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [Russia's Geo-Economic Strategy in Central Asia under Sanctions Pressure] // Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 5–15 [in Russ.].

[13] Abubakirova D.B. Interesy Kitaya v Tsentral'noi Azii v ramkakh initiativy «Odin poyas – odin put'» [China's Interests in Central Asia within the Belt and Road Initiative] // Postsovetskie issledovaniya. 2021. Vol. 4, No. 4. P. 285–295 [in Russ.].

[14] Zhao L., Li D., Guo X., Feng Xue J., Wang C., Sun W. Cooperation Risk of Oil and Gas Resources between China and the Countries along the Belt and Road // Energy. 2021. Vol. 227. P. 120445.

[15] Secretary Blinken's Travel to Kazakhstan, Uzbekistan, and India. Press Statement. 2023. <https://in.usembassy.gov/secretary-blinkens-travel-to-kazakhstan-uzbekistan-and-india/>

[16] Zhabarov prizval strany Tsentral'noi Azii k edinstvu [Zhabarov Called on Central Asian Countries to Unite]. 2025. <https://ria.ru/20251116/prezident-2055271703.html> [in Russ.].

АҚШ СЫРТҚЫ САЯСАТЫНЫң ОРТАЛЫҚ АЗИЯЛЫҚ ВЕКТОРЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: СТРАТЕГИЯЛЫҚ МУДЕЛЕЛЕРДЕН БЕЙІМДЕЛГЕН ҮЛГІЛЕРГЕ ЖОЛ

* Ибраева А.Б.¹

¹ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана, Қазақстан

Аннатпа. Бұл мақалада АҚШ-тың Орталық Азияға қатыстысыртқы саясатының қалыптасуы мен жүзеге асырылу үрдістері талданады, Серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» № 4 (62) 2025

халықаралық жүйенің трансформациясының нақты кезеңдері мен сипаттамаларын көрсетеді. Мақаланың мақсаты – АҚШ-тың Орталық Азия бағытындағы сыртқы саясатының эволюциясын бастапқы стратегиялық мұддеден өнір мемлекеттерімен өзара әрекеттесудің бейімделген модельдерін қалыптастыруға дейінгі кезеңде анықтау, сондай-ақ АҚШ тәсілдерінің трансформациясына ықпал еткен негізгі факторларды, сыртқы және ішкі сын-қатерлердің динамикасын айқындау. Онда АҚШ-тың Орталық Азиядағы саясатын тұтас түсінудің дамуы, сондай-ақ АҚШ-тың аймақ елдерімен қарым-қатынасының ерекшеліктері алдыңғы кезеңдерде АҚШ сыртқы саясатын жүзеге асыруды қалыптастырған және бүгінгі таңдағы сипатына әсер ететін себеп-салдарлық байланыстар контексінде қарастырылады. Мақалада АҚШ-тың Орталық Азиядағы саясатында тұрақты және прогрессивті бағыттың жоқтығы атап өтіледі. Автор АҚШ саясатындағы ауытқулар халықаралық ортадағы өзгерістермен және аймақтағы елдердің ішкі сипаттамаларымен байланысты сыртқы факторлардың үйлесімінен туындайтынын, бұл американдық тәсілдің фрагментациялық және реактивті сипатына ықпал ететінін ашады. АҚШ, Ресей және Қытай арасындағы Орталық Азиядағы әскери және экономикалық үстемдік үшін бәсекелестікке, сондай-ақ АҚШ-тың аймақтағы ықпалын нығайту мүмкіндігін шектейтін демократияландырумен байланысты қындықтарға ерекше назар аударылады. Дональд Трамптың президенттігі кезінде Америка Құрама Штаттары мен Орталық Азия елдері арасындағы байланыстардың жандануы энергетика саласындағы әлеуетті ынтымақтастық тұрғысынан қарастырылады, бұл екі тарап үшін де өзара қызығушылық тудырады. Бұл перспектива жаһандану үрдістері мен аймақтық қындықтар аясында өзекті бола түсude.

Тірек сөздер: АҚШ саясаты, Орталық Азия елдері, С5+1, Қытай, Ресей, қауіпсіздік, энергетикалық мұдделер, геосаясат

FORMATION OF THE CENTRAL ASIAN VECTOR OF US FOREIGN POLICY: FROM STRATEGIC INTEREST TO ADAPTIVE MODELS

* Ibrayeva A.B.¹

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article analyzes trends in the formation and implementation of US foreign policy toward Central Asia, reflecting specific stages and characteristics of the transformation of the international system. The aim of the article is to identify the evolution of the US Central Asian foreign policy direction - from its initial strategic interest to the development of adaptive models of engagement with the states of the region - by revealing the key factors driving the transformation of US approaches, as well as the dynamics of external and internal challenges influencing this process. It examines the development of a

Формирование Центральноазиатского вектора внешней политики США: ...

holistic understanding of US policy in Central Asia, as well as the specifics of US relations with the countries of the region, in the context of the cause-and-effect relationships that have shaped the implementation of US foreign policy in previous periods and influence its nature today. The article emphasizes the lack of a stable and progressive line in US policy in Central Asia. The author reveals that fluctuations in US policy are due to a combination of external factors related to changes in the international environment and the internal characteristics of the countries in the region, which contributes to the fragmented and reactive nature of the American approach. Particular emphasis is placed on the rivalry between the US, Russia, and China for military and economic dominance in Central Asia, as well as the challenges associated with democratization, which limit the US's ability to strengthen its influence in the region. The revitalization of contacts between the United States and Central Asian countries during Donald Trump's presidency is viewed in the context of potential cooperation in the energy sector, which is of mutual interest to both sides. This prospect is becoming more relevant against the backdrop of globalization trends and regional challenges.

Key words: US policy, Central Asian countries, C5+1, China, Russia, security, energy interests, geopolitics

Received: September 04, 2025

Accepted: December 22, 2025

Информация об авторе:

Ибраева Әдемі Бекқалиқызы – докторант 3 курса кафедры международных отношений факультета международных отношений Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0003-2008-0175> e-mail: newadema50@gmail.com

Автор туралы мәлімет:

Ибраева Әдемі Бекқалиқызы – халықаралық қатынастар кафедрасының 3 курс докторанты, Халықаралық қатынастар факультеті, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0003-2008-0175>, e-mail: newadema50@gmail.com

Information about the author:

Ibraeva Ademi Bekkalikyzy – 3-year doctoral student of the Department of International Relations, Faculty of International Relations, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0003-2008-0175>, e-mail: newadema50@gmail.com